

4 июля 2018

В заливе купаться нельзя. Местные это знали. Все моряки, что погибли за многие годы в южном заливе графства Вексфорд, пришли от других берегов. Они не знали о коварных скалах и прихотливых отбойных течениях бухты Спэниш-Коув, названной в честь первых ее жертв. Это была команда корабля Армады, сбившегося с курса и налетевшего на подводную каменную гряду.

Утонули все до единого, в прямой видимости от берега. Прилив вздымал мертвые тела и швырял на погубившие корабль скалы, окрашивая камни алым.

Некоторые утверждали, что несчастных заманили навстречу гибели сверхъестественные существа. В других странах их называют русалками или сиренами, а по-гэльски — *морула*. Роковые соблазнительницы с ледяными пальцами, костлявыми и цепкими, как спутанные водоросли. Предрассудки, конечно, фольклор. Подобные истории живучи в здешних краях, вдали от ярких огней и цинизма современных городов.

В тот вечер яхту для семейной вечеринки арендовали местные. Никому из них *никогда* не пришло бы в голову раздеться и залезть в воду.

Теперь все они сидели в конторе капитана порта, дрожа под накинутыми на плечи одеялами и мягкой блестящей фольгой, промокшие насквозь, замёрзшие и подавленные. На борт поднялись девять человек, но лишь восемь вернулись на берег живыми.

Вечер начался с фейерверка. До берега доносились обрывки музыки. Перед этим на яхту погрузили ящики шампанского, изысканные закуски — все необходимое для роскошного вечера в море в честь долгожданного воссоединения семьи.

Один из братьев, который исчез десять лет назад, оставив за собой скорбный след, вернулся домой. Праздник в честь его возвращения закончился, когда из воды вытащили тело, уже мертвое. На голове жертвы виднелся след сильного удара. Вода смыла кровь, открыв глубокую страшную рану с белеющими внутри костями черепа.

Вполне возможно, что погибший потерял равновесие от удара по голове гиком или другой частью рангоута, вот только на палубе, откуда он упал, таких опасностей не было. Он выпил, поэтому мог поскользнуться и удариться головой, а потом каким-то образом перевалиться за борт, однако ограждение для этого слишком высокое.

Сержант, ведущий расследование, спрашивал: не проявлял ли погибший симптомов болезни, головокружения или дезориентации? Не

выглядел ли подавленным? Что именно происходило перед тем, как подняли тревогу?

Палубу покрывала россыпь осколков стекла. Судя по синякам и разбитым носам, двое братьев подрались.

Следователь, живущий теперь в Вексфорде, сам был здешним уроженцем и давно знал эту семью. Он мог бы попросить отвод от расследования, но в таком маленьком, отрезанном от всего мира городке, где все живут бок о бок, люди, как правило, более откровенны со своими.

К тому же у местной полиции выдался напряженный вечер: на их территории произошло еще два серьезных происшествя. Начальник радостно сообщил следователю, что, кроме него, никого нет.

Но дело несложное. Это же несчастный случай?

Ведь так?

Родные, ожидая своей очереди дать показания, утешали друг друга.

Единство, однако, было вынужденным: брат нашелся, но теперь они остались без отца.

Фрейзер Латтимер, возраст шестьдесят один год, уроженец Шотландии, проживший большую часть своей жизни в Ирландии, был мертв.

Его дети настороженно переглядывались.

Кто из них убийца?

ЧАСТЬ I

Клио

На прошлой неделе

Адам вернулся. Эти слова до сих пор звенели у нее в ушах.

Они прозвучали просто и буднично. Словно брат выскочил на минутку за угол в пиццерию и вернулся с шестнадцатидюймовой «глубокой сковородой», с добавкой пепперони. Или поздно вернулся с работы, высветив фарами подъезд к дому.

Адам вернулся.

Эти слова прозвучали без должного веса, без осознания серьезности того факта, что о брате никто ничего не знал целых десять лет. В худшем случае — погиб, в лучшем — тоже погиб. Клио до сих пор не могла прийти в себя после звонка Элен и оглушающей новости.

Адам вернулся.

— *Он знает про маму?* — спросила ее Клио. — *Он знает, что натворил?*

Жила-была семья: отец, мать и шестеро детей. Жили они в живописнейшем уголке Ирландии, в прекрасном доме на холме, и богаче их в округе никого не было. Богаче во всех смыслах этого слова. У них было всё: высокое происхождение, положение в обществе и дружная семья. И всё это пошло прахом.

Клио взяла фотографию, запечатлевшую Латтимеров в более счастливые времена: они всей семьей на пляже. Родители сидят на колючих полосатых полотенцах. Кэтлин улыбается — искренне, от всей души. Улыбка Фрейзера слегка натянутая, но, судя по всему, он тоже наслаждается отдыхом на природе.

Сестры Клио — Кэйт и Элен — прикрывают ладонями глаза от солнца, оторвавшись от своего занятия: они украшали пестрыми ракушками гигантский песочный замок, построенный Адамом.

У Адама радостная улыбка на открытом, простодушном лице. Джеймс, как всегда, погружен в себя, лижет мороженое, растянув свою порцию дольше всех остальных. Райан в последний момент состроил рожу: высунул язык, скосил глаза и засунул в уши пальцы.

А вот и сама Клио на первом плане — пухлый младенец, самая младшая и обожаемая всеми без исключения.

Кто их фотографировал? Она была слишком маленькой и не помнит. Наверное, дядя Дэнни.

Она уложила фотографию в рамке в дорожную сумку и принялась ходить кругами по комнате.

Клио уже много лет не прощалась с неодушевленными предметами. До свидания, кровать. До свидания, альков. До свидания, шкаф. До свидания, лестница. Небольшое обсессивно-компульсивное расстройство на фоне беспорядочной в остальном жизни.

В последний раз она оглядела маленькую квартиру. Крохотная кухонька, на двухкомфорочной плите обгорелая снизу сковорода: как-то по пьяни она решила сделать попкорн на нескольких каплях масла... Односпальная кровать: половина досок сломаны. Клио подперла ее снизу ящиками, но кровать все равно жутко скрипела каждый раз, когда ей случалось с кем-то ее делить. Окно с треснувшим стеклом, откуда день и ночь просачивались звуки с Бликер-стрит, напоминая, что, несмотря на свое одиночество, Клио со всех сторон окружена людьми.

Это ее мир. За такие деньги сейчас уже невозможно поселиться в Гринвич-Виллидж или где-то рядом. Но когда четыре года назад, в нежном возрасте, а именно в двадцать один год, Клио приехала сюда, ее тогдашний бойфренд снял

у отбывающего экспата студию с фиксированной платой. С тех пор Клио так и держалась за нее.

Бойфренд утверждал, что Клио никогда не приживется в Нью-Йорке. Она выросла в краю непроглядных ночей и звездного неба, среди звуков прибоя и криков чаек. Бликер-стрит — это сирены, отбойные молотки, крики гуляк из ночных клубов и автомобильные гудки.

В конце концов бойфренд сам сбежал домой, а Клио осталась. Она работала в барах и ресторанах, бралась за уборку и другую халтуру, лишь бы платили наличными. При этом уверяя себя, что денег много не нужно, покуда хватает на самое необходимое.

За прогулки вдоль Гудзона платить не надо. Городские галереи и библиотеки регулярно устраивают бесплатные вечера. На спектакли можно попасть за полцены, если постоять в очереди или есть знакомые в буфете. Выпивки хоть залейся, если спишь со сговорчивым барменом.

Клио умела находить во всем позитив, и это многое о ней говорило. Мало кто, испытав все, что выпало на ее долю, и особенно лишившись в двадцать один год пятидесяти с лишним тысяч, не жаловался бы на судьбу.

Клио застегнула сумку и в последний раз оглядела комнату.

В горле вспух отчетливый комок ностальгии.

Здесь, в крошечной квартирке в большом городе, она обрела независимость и мир в душе.

Стала просто Клио, а не *Клионой Латтимер, младшей в семье, дочерью Фрейзера и Кэтлин, сестрой... ну, вы их знаете.*

Однако далось это нелегко. В какой-то момент все выглядело крайне дерьмово. Но даже заключенным иногда сложно покинуть свою камеру и выйти в окружающий мир.

Однажды кто-то сказал ей, что у людей истощается сострадание. Они выслушают рассказ о твоих проблемах и побегут по своим делам. Никто надолго не задерживается рядом с жертвой. Поэтому Клио никогда никому не рассказывала всей правды о том, что ей пришлось пережить.

Она взяла с кровати письмо в чистом квадратном конверте — конверт, в котором оно пришло, давно выброшен. Именно с этого письма все и началось, все стало ясно.

Клио не раз обещала себе от него избавиться. Если кто-нибудь проведает о его существовании и прочтет, то узнает то, что знает она. Но Клио никак не могла заставить себя уничтожить письмо. Ей нужно было перечитывать его, напоминать себе, почему надо вернуться в Спэниш-Коув.

Убрав письмо в сумочку, Клио взяла дорожную сумку и чемодан на колесиках, где уместилось все ее имущество.

— До свидания, дом.

Подавив всхлип, она вышла.

Аэропорт Кеннеди встретил ее визгом тормозов самолетов на посадочной полосе.

Длинная вереница желтых такси, нагромождение серых бетонных зданий, стеклянные фасады терминалов, толпы опытных и ошарашенных путешественников.

Внутри, в маленьком кабинетике, двадцатипятилетняя женщина делала вид, что ей на все плевать, хотя внутренне трепетала, как ребенок.

— Клио. Клио, как машина, знаете? «Рено Клио». Не Клео, как царица. Хотя и звучит похоже.

— У вас в паспорте написано Кclid-на... Клед-од-ха-на, мэм.

— Читается «Клиона». Кли-о-на. Именно поэтому я и предпочитаю Клио. Господи, ну сколько можно? Вы разве не слышите объявления? Это ж, мать вашу, мой самолет объявляют.

— Мэм, пожалуйста, воздержитесь от нецензурных выражений.

Здоровенный чернокожий сотрудник службы безопасности сверлил Клио взглядом. Она чувствовала, что щеки покраснели и горят. Микроскопический кабинетик, куда ее отправили на собеседование, выдернув из очереди на паспортный контроль после проверки, уже казался тюремной камерой. Из него очень хотелось выйти.